

Петр Алешкин

Сны Ивана

Рассказы

Петр Алешкин
Сны Ивана. Рассказы

«Издательские решения»

Алешкин П.

Сны Ивана. Рассказы / П. Алешкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833515-0

В произведениях Петра Алешкина всегда острые ситуации, конфликты с неожиданными поворотами, поэтому критики считают, что он привнес в русскую литературу новый прием — поток действия. В книгу включены самые драматические и трагические рассказы Петра Алешкина о наших днях.

ISBN 978-5-44-833515-0

© Алешкин П.
© Издательские решения

Содержание

Сны Ивана	6
Последний бой ветеранов	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сны Ивана
Рассказы
Петр Алешкин

© Петр Алешкин, 2016

ISBN 978-5-4483-3515-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сны Ивана Рассказ

*Не все ли равно, про кого говорить?
Заслуживает того каждый из живших на земле.
Иван Бушин*

А этот человек, безногий Иван, более чем кто-либо заслуживает разговора о его жизни. Почти каждый день можно увидеть его в подземном переходе к станции метро «Третьяковская». Он сидит, если так можно выразиться, спиной к стене, к холодным кафельным плиткам мутно-грязного цвета, на низкой деревянной платформе с колесами от детской коляски. Проходим, плывущим мимо него в бесконечном потоке, кажется, что у него нет не только ног, но и живота, что он лишился всей нижней части своего тела по грудь, и похож теперь на живой бюст, снятый с пьедестала и поставленный к стене на тонкую деревянную платформу с колесами.

У каждого, кто случайно кинет на него взгляд, невольно возникает в душе жалость, беспокойство, непонятное чувство вины, и прохожий суетливо отводит взгляд, торопливо проходит мимо, стараясь поскорее забыть его. Ведь тем, кто ездит в метро, новая жизнь принесла одни заботы, проблемы, нужду, у каждого своя боль, свои горести, и большинство людей, как это ни горько, в тяжкие последние годы привыкло не пускать в свою душу чужую боль. Изредка кто-нибудь приостановится, смущенно, виновато вытащит кошелек, бросит мелочь в серую кепку, лежащую пред обрубком человека, и, не оглядываясь, заторопится дальше, со смутным чувством беспокойства в душе благодаря Господа за то, что дает возможность бегать по земле на своих ногах.

Иван молча слушает глухой звон монет в своей кепке и не поднимает головы, ничего не говорит вслед сердобольному человеку. Он молчалив, не докучает прохожим жалобами на свою судьбу, не просит подать ему ради Христа на пропитание. И самодельного плакатика с жалостливыми словами нет перед ним. Только потрепанная кепка с медной и тускло-серебристой мелочью. Лицо его, худое, тонкое, серое, с продолговатым тонким носом, всегда хладнокровно, бесстрастно. Спокойные глаза умны, но смотрят внутрь, давно привыкли к мелькающим по пыльным плитам перехода ногам, шуршащим подошвам и резко щелкающим каблукам в сухую погоду и хлюпающим и мягко чмокающим осенью и зимой.

Сегодня в переходе сыро, грязно. На улице метет. Люди, спустившись по мокрым, заснеженным ступеням в довольно глубокий теплый переход, смахивают с плеч снег, выбивают его из шапок. От тающего снега на полу мутные разводы, грязные лужи.

Иван с утра догадался, что будет слякотно в переходе, и прихватил с собой небольшой картонный лист, подложил его под кепку на мокрый пол. Как всегда он внешне спокоен, невозмутим, но мысли его тревожны. Думает Иван о матери. Утром она с трудом, громко охая и кряхтя, еле сползла с кровати, еле добрела до умывальника, тяжело бормоча на ходу, скорее всего для себя, чем для сына, привычные для него слова, мол, если бы не сын-калека, то давно б уж не встала с постели, померла спокойно, ничего радостного в этой жизни ее не ждет. Она уже третий день не выходит из комнаты, ноги ослабели. Не приведи Господь, думает Иван с тревогой и тоской, ноги у нее совсем откажут. Что тогда делать с матерью? Как он будет ухаживать за ней? Руки у него сильные, но не на что опереться, чтобы поднять ее, перевернуть в постели, перестелить простыню. Иван не замечает привычное мельканье ног перед его лицом, не слышит мокрое шлепанье обуви по бетонным плитам пола, не слышит редкий звон монет в кепке, не слышит шуршание газеты, которую расстилают у стены рядом с ним, сопение, легкие стоны

опускающегося на газету человека. Очнулся он только тогда, когда этот человек, тихонько, дружелюбно толкнул его в плечо, говоря:

– Привет, Иван!

Иван повернул к нему голову, узнал таджика, бомжа, но ничего не ответил, только уголки его губ чуть-чуть приветливо дрогнули.

Но таджику и этого было довольно. Он знал, что Иван не разговорчив. Имя у таджика длинное, слишком заковыристое для простого языка, и потому его звали Юсупом. Он привык к этому имени, и охотно откликался.

– У-у, зябка! – передернул плечами Юсуп, потирая руки, и прижался спиной к стене. На нем было старое грязное пальто с вытертым облезлым овчинным воротником, старая кожаная шапка-ушанка, такие носят деревенские старики. И пальто, и шапка, и редкие черные волосы на его смуглом до черноты, морщинистом лице тускло блестели капельками от растаявших снежинок. – Худо! Совсем худо! Худой день! Согреться надо, – бодро проговорил Юсуп.

Он шустрим взглядом черных глаз окинул переход со спешащими мимо людьми; нет ли поблизости милиционера. Убедился, что нет, и сунул руку за пазуху, вытащил четвертинку дешевой водки и смятый пластмассовый стакан, который он только что взял со столика у киоска, стоявшего в переулке неподалеку от спуска в переход. Кто-то выпил кофе и оставил его на столике, не выбросил в урну.

Юсуп с хрустом расправил стакан, со сладострастным блеском в нетерпеливых маленьких черных глазах быстро свернул головку четвертинке, плеснул в стакан водки и протянул Ивану. Тот взглянул в сторону светлеющего неподалеку входа в переход навстречу потоку людей, туда, откуда всегда появлялась она: рано еще, – подумал Иван и неспешно взял, неспешно выпил и вернул стакан. Таджик сунул ему карамельку:

– Засоси!

Юсуп снова нетерпеливо булькнул водку в стакан и мигом выпил.

– А-а-а, – радостно выдохнул он. – Сейчас потеплеет.

Юсуп сунул бутылку и стакан назад, за пазуху, и снова прижался спиной к стене, замер, закрыл глаза, в ожидании, когда тепло разольется по всему телу. Тогда еще можно будет немного выпить, уже не для тепла, а для радости жизни.

Иван медленно катает языком во рту карамельку. Тепло быстро растекается по маленькому остатку тела Ивана, туманит глаза, наполняет сердце нежностью к таджику.

Юсуп ростом мал, но крепок, здоров. На вид старик-стариком, а ему еще и пятидесяти нет. Где-то далеко, в теплой стране, у него была семья: жена, отец-мать, дети. Их кормить надо было, а денег в теплой стране заработать негде. И подался он в холодные края, строить богатую Москву. Уверен был, что каждый месяц будет посылать деньги домой, семье.

Он когда-то был в Москве, провел в ней три дня по пути домой из армии, помнил дружелюбных москвичей, помнил шумные улицы, строгий и добродушный Кремль, веселые парки, помнил это и верил, что не пропадет, сможет поднять семью. Никто не сказал ему, что Москва давно уже не доброжелательна и не добродушна, и веселье ее тревожное и жуткое, как перед смертью. Беззащитного таджика московские мошенники обманули раз, обманули другой, третий, лишили паспорта. Постепенно опустился он на самое дно. Стал бомжем по кличке Юсуп.

Юсуп дремлет, растягивает в улыбке тонкие коричневые губы, видно, семью вспоминает, детей, свои счастливые молодые годы в большой стране, которая защищала маленького человека. Иван тоже прикрыл глаза, чувствуя блаженное состояние от легкого хмеля, теплоту, поднимающуюся из глубины души. Легкий волнообразный шум в ушах от выпитой некачественной водки сливается с непрерывным шорохом и шумом движущегося рядом потока людей, шлепаньем и чмоканьем подошв, и кажется Ивану, что сидит он не в грязном московском переходе, а на горячем большом валуне, на берегу моря.

Явственно видит он свои крепкие загорелые ноги, чувствует икрами ног жгучее тепло от нагретого солнцем камня, играя, шевелит пальцами ног. И как радостно, как чудно было чувствовать тепло ногами, просто шевелить пальцами! Он засмеялся и взглянул сияющими глазами на сидевшую рядом с ним на камне Тамару, свою одноклассницу.

– Ты чего? – спросила она, повернув к нему необыкновенно прекрасное на солнце милое лицо. На щеках ее играли блики от живого шевелящегося моря.

Легкие неспешные волны набегали на берег, хлюпали легонько меж камней с ярко зелеными водорослями, шуршали галькой. Невозможно было смотреть на воду в сторону солнца. Море, поигрывая, слепило глаза искрами. А в противоположной от солнца стороне море было радостно многоцветным: нежно бирюзовым, изумрудным, цвета салата, небесным, голубым, синим.

– Я счастлив, – ответил он просто. – Я счастлив, что ты рядом. Счастлив, что мы сбежали от ребят, и теперь вдвоем. Счастлив, что мы после экзаменов примчались в Крым. Счастлив, что море такое тихое, а солнце такое нежное. Остановись, мгновенье! – вскрикнул он, вскидывая руки. – Ты прекрасно!

– Нет, не остановится, – засмеялась в ответ Тамара и грустно вздохнула. – Беззаботен только этот миг. В Москве нас ждут новые экзамены, и разведут нас всех дорожки в разные стороны: кого в институт, кого в армию, кого в безработные.

– Но мы-то, мы-то по одной дорожке будем шагать! Ведь, правда, правда?! – схватил он ее за руку.

– Правда, – снова печально вздохнула она и прижалась к его плечу горячей щекой.

– Будем шагать вместе вперед, вверх, к солнцу! – страстно воскликнул он и приостановился, умолк, потом спросил с тревогой: – Почему в твоём голосе грусть, сомнение? В чем ты не уверена? Может, в себе? Во мне?

– Сколько людей до нас стремилось к солнцу и опалило крылья...

– Тебя волнует такой пустяк? – перебил он Тамару. – И только это тебя беспокоит?

– Разве кто-нибудь знает, что ждет его впереди, что будет с ним в будущем?

– Я знаю, я! – снова страстно воскликнул он. – Вернемся в Москву, я поступлю в институт. Там с первого дня включусь в студенческое движение, стану активистом. Я буду лезть на каждую трибуну, я буду страстно жечь сердца людей, поднимать народ на борьбу с криминалом, захватившим Кремль. Буду биться, чтоб все воры-олигархи оказались в тюрьме вместе с их паханом Ельциным. Окончу институт, вступлю в партию...

– В коммунистическую?

– Нет-нет, коммунистическая идея хороша, но руководят партией сейчас предатели. Они заодно с кремлевским криминалом, только на словах за народ. Я вступлю в партию, которой пока нет, но через пять лет она появится. Не может быть, чтоб не объединились люди, которые за свой народ, за свою землю, за Родину готовы отдать жизнь. Такие люди есть! Они не перевелись. Их много, только они разобщены. Появится такая партия, пока я буду учиться в институте, непременно появится. Вот в нее-то я и вступлю...

– А если не появится?

– Если не появится, то я ее создам! Я объединю всех, кто на деле, а не на словах любит наш народ, нашу Родину. Не верю, что в институте не будет моих единомышленников. Как бы нас не развращали, как бы не кормили наркотиками, всех не замажут, не развратят. Вот ты-то не развратилась, и я, ребята наши тоже наркотиков не нюхали, – показал Иван рукой в сторону палаточного лагеря, где остались их друзья.

Одинокая волна шлепнула по валуну, резко щелкнула, и Иван открыл глаза. Нет, это не волна ударила в прибрежный камень, это неуклюжий прохожий выронил из руки на грязный пол свой пластмассовый кейс. Потом быстро подхватил его и стал хмуро разглядывать испачканную крышку кейса. А Иван, мельком взглянул в сторону входа в переход, не видно ли

ее, и, не закрывая глаз, вернулся в Крым, к Тамаре. Да, сразу после выпускного вечера друзья-одноклассники летали к морю, чтобы отдохнуть, отвлечься от учебников, набраться сил перед вступительными экзаменами. Да, часто уединялись они с Тамарой на берегу моря, да, был он необыкновенно счастлив в те короткие дни и ночи, но не было того разговора, который примнился ему. Застенчив был, стеснялся сказать Тамаре, что он счастлив рядом с ней, стеснялся поделиться мечтами о будущем. Мечты так и остались мечтами. В институт он не поступил в тот год, принимали в него почти всех студентов за деньги. Осенью взяли в армию. Он верил, что после службы непременно поступит в институт, не тратил время зря, читал, готовился. И вдруг Чечня, новогодняя ночь, нелепый непонятный штурм Грозного...

Иван прикрыл глаза, и мигом перед ним запылали танки, дома, загрохотало, затрещало вокруг. Он застонал и испуганно вскинул веки. Юсуп услышал его стон и с сочувствием спросил:

– Плохо?

Иван вздохнул.

– Будешь еще? – Юсуп сунул руку за пазуху и вытащил четвертинку.

Карамелька рассосалась во рту, но еще чувствуется сладость от нее, потому теплая паленая водка кажется особенно противной, тошнотворной. Но через минуту горечь во рту исчезает, и он снова начинает вливаться в блаженное состояние, и с опаской закрывает глаза, но ни огня, ни грохота разрывов нет. Тихо. Только шорох, влажное шлепанье ног, говор прохожих. Иван прислушивается: нет ли среди этого бесконечного движения звука шагов той, которая ежедневно проходит мимо и каждый раз непременно останавливается возле него, кладет пять рублей в кепку.

Сплошной шум в ушах вдруг переходит в одобрительный рокот народа, аплодисменты. Иван пробирается сквозь громадную толпу, заполнившую Красную площадь, к мавзолею, на трибуне которого стоят несколько человек. И один из них выступает. Говорит быстро, страстно, горячо, взмахивая рукой и резко бросая ее вниз, чтобы выделить особо важную мысль. Народ выдыхает единой грудью, когда его рука падает вниз. «Иван! Иван! – слышит Иван радостные возгласы вокруг себя. – Наконец-то пришел Иван!» Иван все ближе и ближе пробирается к мавзолею, и вдруг узнает в ораторе себя. Да, это он стоит на трибуне и призывает народ к действию.

«Сколько можно терпеть дармоедов и воров на нашей шее?» – яростно кричит он в толпу.

И народ единой грудью выдыхает:

«Хватит! Натерпелись!»

«Они ненасытны, – машет Иван в сторону Кремля. – Никогда не насытятся народной кровушкой! Пора освободить Кремль от кровопийц!»

«Пора!» – единодушно выдыхает народ.

«Так в чем же дело! – кричит-призывает Иван. – Вот он, Кремль! Рядышком! Идем освободим его!»

Мигом слетел Иван по гранитным ступеням трибуны на площадь и бросился к воротам Спасской башни.

«Освободим! Ура!» – ринулся народ за Иваном в Кремль сквозь Спасскую башню, затопил собою Ивановскую площадь, соборы, Кремлевский дворец.

И вот уже этот самый народ в зале суда. На скамье подсудимых и бывший президент и настоящий, рядом с ними – многочисленные премьер-министры и министры, олигархи-проходимцы и прочие миллионеры-мошенники. Большая скамья получилась. И главный обвинитель от народа опять он, Иван. И опять он страстно клеймит подсудимых-кровопийц, на этот раз он перечисляет многие факты их преступлений перед народом и страной. В зале тихо, только страстный, гневный голос его звучит, требуя самого сурового наказания мучителям

народа. Иван возбужден до дрожи, и возбуждается все сильнее и сильнее... Вдруг кто-то сзади легонько дергает его за плечо, слышится встревоженный голос:

– Иван, Иван! Ты что дрожишь? Заболел? Плохо?

Иван вскидывает голову, видит черное лицо Юсупа и сразу перестает дрожать.

– Заснул, – бормочет тихо Иван и смотрит в кепку.

Там две бумажные купюры и горсть монет, среди которых он разглядел три монеты по пять рублей. Возможно, одна из них ее. «Проспал, прошла!» – с горечью думает Иван. Он берет из кепки одну бумажку и пятирублевую монету, но задерживает руку над кепкой, кладет монету назад, «вдруг именно ее положила она», потом отсчитывает пять рублей и протягивает Юсупу вместе с бумажкой:

– Пивка возьмешь себе?

– У меня еще осталось, – Юсуп суетливо сунул руку себе за пазуху. – Добьем?

– Не надо, – отказался Иван. – Я в аптеку пойду. Мать заболела.

– Я тебя провожу, – стал подниматься Юсуп. – А то заболтался я с тобой. Работать надо.

Иван ссыпал мелочь из кепки в карман, предварительно вынув из него старые перчатки. Натянул поглубже кепку на голову, перчатки на руки, и они пошли к выходу. Иван отталкивался сильными руками от мокрого пола, колеса его коляски мягко постукивали плотными резиновыми шинами на стыках плит. Прохожие расступались, освобождали ему проезд.

На улице смеркалось. При свете фонарей метель разыгралась еще сильнее, сердито, словно злясь на что-то, швырялась снегом, резче, более хлестала по открытому лицу Ивана.

Последний бой ветеранов

Рассказ

Май. День Победы.

Конец апреля выдался жарким, деревья еще к первому мая зазеленели, выбросили клейкие листья, зацвела черемуха. Три дня были прохладными, прошел дождь. А сегодня с утра погода разгулялась. Серо-жемчужные облака высоко плыли над деревней. По улице тянуло запахом цветов с луга, легким влажным воздухом.

На теплых ступенях крыльца крайнего дома деревни с унылым лицом понуро сидел сухой, но еще довольно крепкий старик Иван Николаевич Пересыпкин. Был он в кепке, в поношенном пиджаке, в резиновых сапогах. Крыльцо, серое от древности, скособочилось, как больной радикулитом, и казалось, прислонись к нему нечаянно рукой, оно рухнет. Но у старика не было ни денег, ни сил, чтобы поправить его. «Выдержит еще года два, не развалится. Меня переживет. Скопытырюсь, сосед и дом, и крыльцо вмиг спалит, чтоб сорок соток моих прихватизировать! – говаривал старик, если кто-нибудь из односельчан советовал ему поправить крыльцо. – Недра наши присвоил, теперь нашу землю цапнуть жаждет».

Дело в том, что такой же ветхий дом умершей соседки три года назад купил никому неизвестный нефтяник. Всю усадьбу обнес трехметровым кирпичным забором, построил особняк. Вскоре ему показалось, что земли мало, что, если присоединить участок Пересыпкина, а за ним и часть луга, принадлежащего администрации деревни, то можно не только теннисный корт за забором устроить, но и маленькое поле для гольфа. Он предложил Ивану Николаевичу поменять его дом и участок на дом в Тверской деревне.

Пересыпкин удивился такой наглости соседа, ответил недружелюбно, чтоб впредь пресечь такие разговоры:

– Здесь я родился, здесь и смерти дожусь! – И повернулся, чтоб уйти в свой дом. Стояли они у крыльца.

Но нефтяник задержал его, сказал весело:

– Смерть всегда вокруг нас ходит, – и добавил твердо: – Заартачишься, придется пригласить ее к тебе в гости! Мне больше с тобой некогда разговаривать, мои ребята договор на обмен подготовят.

Вчера вечером к старику заглянули ребята нефтяника, два плечистых лобастых «быка», похожих друг на друга так, словно их на одном станке по лекалу вытачивали, в черных пиджаках с галстуками. Зашли в дом, по-хозяйски осмотрелись и спокойно предложили то же самое, что и хозяин их: обмен дома на Тверскую деревню.

– Здесь, в пятнадцати километрах от Москвы, каждая сотка стоит пять тысяч долларов, – стараясь быть спокойным, ответил Иван Николаевич. – А у меня огород сорок соток, да под домом и палисадником двадцать. А в Тверской деревне земля даром никому не нужна.

– Грамотный, – усмехнулся один «бык».

– Почему никому не нужна? – спросил-возразил другой. – Нам нужна, чтоб поменяться с тобой.

– Не буду я меняться, – задрожал от возмущения и бессилия Иван Николаевич. – Не буду, никогда!

– Будешь, – снова усмехнулся первый «бык».

– Никогда не говори «никогда», – назидательно сказал другой.

– Лучше я сдохну, чем уеду отсюда! – яростно, с негодованием воскликнул Пересыпкин.

– Это самый лучший выход для нас, – серьезно ответил первый «бык».

– Если надо, поможем, – сказал второй и добавил: – Ты, старик, чувствуем мы, не готов к деловому разговору. Завтра, с утра, часиков в десять, заглянем к тебе, обговорим условия... У тебя выбор есть: либо обмен, что лучше для тебя; либо сдохнуть, что лучше для нас. Взвесь, обдумай за ночь.

И теперь Пересыпкин ждал ребят нефтяника, сидел на ступенях крыльца, сжимал рукой, массировал под стареньким пиджаком свою грудь с левой стороны, пытался успокоить рвущееся от тоски сердце. «Что делать? Как быть?» – с жгучей горечью думал он, пытаясь отогнать скорбную мысль, что можно покончить с этой безотраднейшей поганой жизнью сразу и навсегда. Лечь рядом с Анютой. Жена его Анна Михайловна умерла два года назад. Прожили они вместе пятьдесят пять лет, прожили мирно, покойно, но детей не нажили. Не дал им Бог детей. Увезут теперь в Тверскую деревню, сдохнешь там и зароят в чужой земле вдали от Анюты. Вместе жизнь прожита, и упокоиться вечным сном хотелось дома, чтоб лежать рядышком с женой. Иван Николаевич до такой степени ушел в себя, что не слышал орущих по-весеннему воробьев на высоком густом кусте сирени, приготовившемся зацвести, под окном его старенькой избы, не слышал подъехавшей и остановившейся на дороге напротив него машины, старенького «Запорожца» давнего друга однополчанина Леонида Сергеевича Долгова, Ленки. Леонид Сергеевич некоторое время весело смотрел из окна машины на Ивана Николаевича, надеясь, что тот поднимет голову, обратит на него внимание и радостно вскочит во весь высокий рост, как всегда бывало, когда он приезжал. Не дождавшись, посигналил. Пересыпкин уныло поднял голову, взглянул на друга, но даже не шевельнулся, чтобы подняться. Тогда Леонид Сергеевич стал тяжело выбираться из «Запорожца», позвякивая многочисленными медалями на пиджаке, в старости люди вес теряют, худеют, а он наоборот, отяжелел, полнеть стал, выбрался, оперся на палку и весело спросил у Ивана Николаевича:

– Ты чего такой скорбный? – И прихрамывая, как-то бочком, направился к нему: – И не в парадном мундире. Праздник ведь, наш праздник!.. Язва скрутила? – протянул он сочувственно руку Пересыпкину.

– Хуже, – вяло пожал Иван Николаевич мягкую горячую руку Долгова. – Хуже. Со свету сживает новый соседка, – глянул он в сторону высокого забора из красного кирпича возвышавшегося неподалеку от его избы, за которым виднелась зеленая крыша особняка. – Усадьба моя приглянулась ему. Расширяться вздумал, а я мешаю. Выселить хочет в Тверскую деревню, говорит, не все ли равно тебе, где подышать...

– Вот сволочь, а! – посерьезнел, возмущенно качнул головой Леонид Сергеевич.

– «Быки» его грозят, не соглашусь, ускорят смерть. Мол, земля моя даром достанется... И придушат, придушат, рука не дрогнет. Не я первый, не я последний...

– Дожили, ну дожили! – воскликнул Долгов. – А ты не жаловался властям? Надо рассказать, непременно рассказать!

– Кому? Нашему главе, так этот гад, – Пересыпкин снова глянул в сторону забора, – его сам поставил, кормит-поит. Ему жаловаться все равно, что этим воробьям, почирикают, да улетят. Вот и весь толк! Эхе-хе!

– Что ж, теперь руки опускать? Делай со мной что хочешь, воля и власть твоя, а я бессловесная овца, так? – загорячился Долгов. Он вообще был горячий, решительный.

– Выходит – овца! Что ты мне прикажешь делать? Что? Что бы ты сделал на моем месте?

– Да я бы... – горячо начал Леонид Сергеевич, но Пересыпкин перебил его, кивнул в сторону забора.

– Вот они, ко мне идут, поговори с ними, – горько усмехнулся он.

– И поговорю, сейчас поговорю, – бросил все также решительно Долгов и повернулся к двум накаченным амбалам в темных пиджаках, которые уверенно, неторопливо шли к ним.

– Ну, как, дед, подумал, будем подписывать? – спросил один из них, подходя.

– Погожу, подумаю, – буркнул Иван Николаевич.

– Думай быстрее, весна в разгаре, стройку начинать пора... – начал второй.
Но Долгов перебил его возмущенно.

– Ничего он не будет подписывать! – крикнул он и указал палкой на Пересыпкина. – Он здесь хозяин! Он здесь родился, здесь и умрет!

– Будет упрячиться, умрет, – спокойно сказал первый «бык», а второй спросил у Ивана Николаевича.

– Что это за шибздик?

– Это ты пустоголовый шкаф, гнилой лакей... – закричал Долгов и полетел в траву от легкого толчка в грудь второго «быка». Медали на груди его тонко звякнули.

«Бык» засмеялся:

– Ветром качает, а голос сохранил.

Долгов не по возрасту проворно вскочил и взмахнул своей палкой, но «бык» ловко перехватил ее, вырвал из рук Леонида Сергеевича, сломал о колено, откинул в сторону и снова толкнул ладонью в грудь Долгова, на этот раз посильней. Все это он проделал легко, мгновенно, играючи. Леонид Сергеевич отлетел от него метра на три, кувыркнулся по земле, испачкал свой праздничный костюм о влажную весеннюю землю. Одна медаль сорвалась с пиджака, покати-лась в траву. «Бык» же повернулся к Ивану Николаевичу, спокойно сказал:

– Ладно, гуляй, празднуй. Три дня тебе сроку, в понедельник придем с договором. Глава администрации будет с нами, при нем подпишешь договор обмена.

Оба «быка» повернулись и неторопливо двинулись назад, к железной двери забора. Иван Николаевич поднялся и быстро заковылял к другу, который, как раздавленный сапогом червяк, возился на земле, тянулся дрожащей рукой к отскочившей от пиджака медали. Пересыпкин помог ему подняться, спросил сочувственно:

– Не ушибся? Руки целы?

– Я это так не оставлю! – дрожащим голосом, как-то жалко крикнул Долгов вслед «быкам».

– Напугал, – хохотнул один из них, оглянувшись на ходу. – Прямо колени дрожат.

– Вот так! – скорбно выдохнул Иван Николаевич и начал отряхивать пиджак друга. – А ты говоришь? Рабы мы на своей земле...

– Нет... мы не рабы, не рабы, – тяжело дышал Долгов. – Не за это мы воевали, чтоб над нами так измываться... Мы покажем, что мы хозяева на своей земле... а не эти оккупанты...

– Как ты им покажешь?

– Покажем, покажем!.. А сейчас поехали к Андрюшке. Он ждет... А этим, покажем, – погрозил он кулаком в сторону забора. – Защитим и твою честь, и свою.

– Ты отдышись пока, успокойся, посиди в машине. Я переоденусь, медку захвачу, огурчиков, – суетливо заторопился в избу Иван Николаевич.

Вернулся без кепки, в пиджаке, на груди которого тоже в три ряда висели позвякивали ордена и медали, только наискосок, видимо, потому, что у высокого худого Пересыпкина грудь была узкой. «Запорожец» повернул за угол дома Ивана Николаевича и затарахтел по новой асфальтовой дороге между огородом Пересыпкина и лугом к лесочку, который был неподалеку от деревни. За ним было шоссе. В лесу они уперлись в закрытый новенький шлагбаум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.